

УДК 392.9+316.014+159.99

ЧАСТНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: К КОНТУРАМ ДИСКУРСА

В.Ю. Лебедев, Е.М. Перелыгина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется понятие и значение частного коллекционирования как социально-культурного феномена и как предмета дискурсивно-семиотического исследования. Анализируются методологические подходы к исследованию частного коллекционирования как текста культуры. Предлагается типология коллекционирования, основанная на личностно-психологических особенностях коллекционеров, соотносимых с вариантами дискурса частных коллекций. Обуславливается важность исследования частного коллекционирования с институциональной и аксиологической позиций.

Ключевые слова: *частное коллекционирование, феномен культуры, дискурс, междисциплинарная комплексная методология, смыслы, текст культуры.*

Частное коллекционирование является частотным случаем повседневного праксиса, хотя его зависимость от конкретных социальных, когнитивных и культурных условий, а также от их кластерных комплексов исследована достаточно слабо. Также и описание самого феномена частного коллекционирования представляет скорее ряд набросков, хотя подчас и очень мощных по своей объяснительной силе. Многие исследователи отмечают важность частного коллекционирования как социально-культурного феномена для сохранения историко-культурного наследия, обеспечения преемственности культурных и художественных традиций [1; 21]. В частности, об этом пишут в своих исследованиях С.В. Чебанов, И.В. Шлаева, М.П. Барболин, Г.Н. Голядкин. С точки зрения этих исследователей, коллекционирование сродни творчеству, поскольку сущность коллекционирования заключается в опредмечивании идеи в форме уже имеющихся культурных ценностей. Однако очень часто частное коллекционирование рассматривается как видоизмененный случай музейного собирательства (ср.: [19, с. 6]), что, на наш взгляд, чревато принципиальным искажением черт этого явления.

В целом частное коллекционирование может быть рассмотрено как один из способов (весьма личностно-ориентированный) освоения культуры и ее ценностей, предусматривающий включенность в культуру, трансляцию ценностей культуры и реализацию личности в контексте культуры. Представляется интересным путь рассмотрения частного коллекционирования через сущность музейного сознания как характеристики именно определенной эпохи, определенного этапа ментальной эволюции (А.А. Пелипенко) с ее музейным сознанием, настойчивым стремлением сохранения форм прошлого, особенно в подробно рассматриваемый А. Пелипенко период заката логоцентрической культуры [13; 14].

Чаще всего коллекционирование в широком смысле рассматривается как исторически обусловленный продукт культуры, имеющий экономическое, социальное и культурное значение (и соответствующие же предпосылки, а потому увязывается обычно с эпохой Просвещения, романтизмом или единым комплексом Нового времени, поглощающим и первое, и второе), выполняющий некие социокультурные функции, в частности просвещение, сохранение культурного наследия, передача культурных кодов. Несомненно, что в частном коллекционировании гораздо сильнее психоантропологическая составляющая, здесь зачастую выражены особенности самосознания частного индивида и его самоотнесения с миром и особенно обществом.

Исторически массовое частное коллекционирование – явление относительно новое, А. Пелипенко здесь прав, что связано не только и не столько с экономическими возможностями коллекционеров (дорогие предметы собирания так и остались дорогими, равно как сохранились и возможности коллекционировать предметы дешевые и доступные), сколько с формированием «музейной ментальности», происходящим в XVIII в., параллельно становлению классической эстетики «баумгартеновско-винкельмановского типа» [13, с. 137–151]. В свете возможных интерпретаций эстетики И. Канта, во многом сформировавшего интеллектуальную атмосферу эпохи, коллекционирование может рассматриваться как попытка схватывания идеального образа вещи и даже, в некоторых случаях, как чистая незаинтересованная деятельность (ср.: [6]). В условиях становления и распространения идей классического немецкого идеализма и романтической эстетики коллекционирование получало философскую легитимацию. Прекрасное (хорошее, достойное и т. п.) требует сохранения – таков один из принципов этой эпохи. Его можно расширить, приписав ценность не только собственно прекрасному, но и интересному, забавному и вообще редкому и исчезающему. Начинается новая эпоха – эпоха музеев и кунсткамер (оказывается, коллекционировать можно и остатки секционных занятий – знаменитая коллекция Рюйша), книжных и архивных собраний, т. е. эпоха массового сохранения прошлого, в чем, конечно, можно видеть все более выраженные «невротические» черты, так как сохранение является деятельностью, забегающей вперед, предвосхищающей возможное исчезновение и возможное множество частных ситуаций крушения обыденного порядка.

Что касается частного коллекционирования, то различные отрасли науки сосредоточены на изучении разнообразных аспектов генезиса и эволюции этого культурного явления, на том, что определяет его с точки зрения деятельности, психологии, коммуникации.

На наш взгляд, можно выделить три основные парадигмы исследования и исследовательской оценки коллекционерской деятельности:

– культурологическая, с акцентом на типах и разновидностях как самих коллекций, так и собираемых предметов, соотношения с общими интересами и ориентациями эпохи, познавательной ценности коллекционных результатов (ср.: [10; 12, с. 42–46]);

– дискурсивно-семиотическая – акцентирующая коллекционирование как упорядоченную деятельность по оперированию знаками, объектами, выступающими как знак, со своей, как минимум, семантикой, синтактикой и прагматикой;

– личностно-психологическая – с приматом выявления тех или иных патологических, нормальных или пограничных черт самой личности коллекционера в соотношении со спецификой среды. Классическим исследованием такого рода является, например, монография М.К. Куфаева [11]. Упоминание коллекционирования, а также близких к нему вырожденных форм (складирование хлама, «синдром Плюшкина») в работах по патопсихологии и психиатрии также является данью указанной парадигме. Неслучайно в живописи немецкого бидермайера так часто встречаются «чудаки», определенный антропологический тип, занятые именно коллекционированием (книг, экзотических растений). К этому варианту примыкает этнография (антропология) повседневности [9].

Разумеется, эти три парадигмы могут дополнять одна другую и образовывать ряд переходных зон. Именно эта переходность ставит задачу и определяет возможность применения междисциплинарной комплексной методологии в осмыслении практики частного коллекционирования. Авторы понимают степень сложности проблемы и потому рассматривают данную публикацию как общеметодологический эскиз.

Семиотический подход к исследованию частного коллекционирования может быть особенно интересен, поскольку такой подход позволяет рассматривать любое собрание художественно или аксиологически ценных предметов как текст культуры, несущий определенный смысл, который, соответственно, может быть «прочтён», определенным образом дешифрован и понят. Внесенный в текст повседневной приватности, он может по-разному соотноситься с ним, служить как наиболее труднопознаваемым ядром, так и ключом к пониманию остального текста. В любом случае наблюдаются вариации семиотичности, вариации знаковости [21, с. 255–257].

Как и другие тексты культуры, частная коллекция может нести «объективные» и «субъективные» смыслы. К объективным, т. е. декларированным и очевидным для большинства наблюдателей (семиотическая точка зрения наблюдателя, по Ю.С. Степанову [15, с. 143–152]) могут быть отнесены такие, как накопление, трансляция и передача через поколения культурной практики, традиций, наследия. Субъективный смысл (не декларированный явно, индивидуально изменчивый, незаметный внешнему наблюдателю и более того, сокровенный и зашифрованный) для каждого коллекционера – это воссоздание собственного дискурса (послания), в той или иной мере сочетающегося и коммуницирующего с общим социальным и культурным дискурсом коллекции, что и будет отличать ее от музея с его преобладанием очевидности (отсюда понятно провокативное утверждение В. Розанова о том, что книга, которую давали читать, – развратница, а почти все библиотеки надо приравнять к публичным домам; это типичный взгляд коллекционера, неслучайно Розанов действительно был истовым нумизматом). Ценностность субъективных смыслов частного коллекционирования оспаривается некоторыми исследователями. Дискурс такого рода рассматривается как замкнутый, лишенный открытой коммуникативной направленности, направленный на себя. То есть коллекционер создает систему, понятную только ему самому и ограниченную рамками предметов, которые он коллекционирует: «Чувствуя себя отчужденным, как бы рассеянным в социальном дискурсе, чьи правила ему неподвластны, коллекционер пытается сам вос-

создать такой дискурс, который был бы для него прозрачен, чтобы он сам владел его означающими и сам же в конечном счете являлся его означаемым. Но его проект обречен на неудачу: пытаясь преодолеть дискурс, он не видит, что просто-напросто транспонирует открытую дискретность вещей в закрытую дискретность субъекта, где теряет всеобщую значимость даже используемый им язык. Таким образом, попытка обрести целостность через вещи всегда отмечена одиночеством; она не связана с коммуникацией, и именно коммуникации в ней не хватает. Возникает, впрочем, вопрос: а способны ли вообще вещи образовать какой-то иной язык? Может ли человек через их посредство утвердить какую-то иную речь, кроме самонаправленного дискурса?» [3, с. 50].

Дискурс подобного рода противопоставляется научному дискурсу, который тоже, в определенной степени, является коллекцией фактов и знаний, но коллекцией продолжающейся, меняющейся, в отличие от коллекции предметов, которая конечна, дисконтинуальна.

Впрочем, пейоративное отношение к автокоммуникации, продолжаемое Бодрийяром и в иных работах [2], является, на наш взгляд, спорным, а значит, и объявление коллекционирования полностью маргинальным явлением вовсе не так очевидно. Тем более, что Бодрийяр рассматривает, так сказать, чистый вариант, вряд ли встречающийся в реальном бытии, речь может идти скорее о соотношении самонаправленной и внешне направленной деятельности, их возможном резком дисбалансе.

Такой взгляд очень характерен для постструктуралистского и постмодернистского подходов, его целью является описание явления как заведомо «патологического», правда, для того, чтобы тут же взять эту «патологию» под защиту (типичный пример – М. Фуко), провозгласить свободу на обладание такой «патологией» и демонстрацию ее (в духе Ж.П. Сартра). Среди отечественных авторов подобный подход ярко представлен В. Рудневым. Впрочем, после К. Леонгарда, в очередной раз эффектно показавшего зыбкость границ нормального, субнормального и девиантного, оценка какого-либо феномена как «патологического» уже не должна всерьез пугать.

В самом деле, такой порицаемый дискурс может быть единственно возможным в ситуации стремительного размывания приватности, которая, несомненно, Бодрийяру была очевидна, но едва ли сознавалась в тот момент как остро катастрофичная.

Наконец, бодрийяровский подход старается преуменьшить перспективу противоположного, зеркального эффекта – тотализирующего влияния внешнего, когда коммуникация становится каналом одностороннего поступления команд (аналогия с музеем и диктатом путеводителей, туристических маршрутов и директивно-агрессивных экскурсоводов, контролирующих созерцание и восприятие, структурирующих их). В этом смысле частное коллекционирование просто образец личного произвола: собираю то, что хочу, трачу на это средства и время как хочу и несу за это моральную ответственность, сортирую или не делаю этого по своему усмотрению, сохраняя одновременно с севским фарфором откровенную «китайскую поделку», почти не имеющую рыночной цены, но чем-то понравившуюся, размещаю где и как хочу, показываю или не показываю кому хочу и т. д. В этих условиях коллекционирование превращается в сферу если и недоступную тотализации, то хотя бы противостоящую ей. Л.А.

Китаев-Смык, описывая поведение испытуемых в условиях социогенного стресса, указывает, что типичной формой поведения становилось перебирание вещей в тумбочке, так как именно тумбочка с вещами, согласно условиям эксперимента, становилась частной сферой, подконтрольной избирательно именно ее хозяину [8, с. 791–801]. Интересно, что происходило бы при наличии в тумбочке достаточного количества предметов, из которых можно было бы создать хотя бы ограниченную по размерам коллекцию. Впрочем, само перебирание вещей в пространстве тумбочки с зафиксированными положительными переживаниями уже можно считать некой эмбриональной формой поведения коллекционера.

Типология частного коллекционирования также остается открытой проблемой, в первую очередь из-за крайнего полиморфизма самого явления. На наш взгляд, можно выделить следующие основные типологические разряды, соотносимые с вариантами дискурса частных коллекций:

1. **Обладание.** «Черная дыра». Предметы могут коллекционироваться бессистемно, не выставляются, не обсуждаются, не продаются, иногда не атрибутируются, хранятся в нескольких экземплярах. Основная цель коллекции – наслаждение обладанием. Истинный самонаправленный ограниченный дискурс.

2. **Инвестирование.** Коллекционирование предметов с целью сохранения капитала. Такое сохранение капитала не облагается налогом, обладает высокой степенью доходности (предметы искусства, в частности антиквариат, растут в цене с течением времени «естественным» способом. Уменьшается количество предметов на рынке (износ, утрата), увеличивается их стоимость), определенными дополнительными социальными бонусами, например статус (высокое экономическое положение, хорошее образование как следствие необходимости хорошо разбираться в культурной ценности коллекционируемых предметов). Исторически показательно, что объективное понимание инвестирующих возможностей проявляется, например, в изъятии коллекций [18]. При этом такое инвестирование отличается, например, от скупки недвижимости попутным достижением и некоторым как минимум эстетическим эффектом.

3. **Гармонизация личностного пространства.** Собрание с целью воссоздания состояния предметов коллекционирования для возвращения им изначальной (задуманной) культурно-художественной составляющей («чтобы было так, как правильно») [7]. Например, собирать сервизы по предметам, чтобы видеть «целый» набор так, как задумал его автор. После того как цель достигнута, предмет обычно продаётся или дарится.

4. **Коллекционирование как познание (когнитивный тип).** Коллекционирование с целью расширения кругозора и знаний самого коллекционера. В этом случае самым важным является изучение истории того или иного предмета вне зависимости от его экономической или инвестиционной ценности, ведение каталогов, собиране литературы. Собственно коллекция является наглядным примером, сборником наглядных пособий, отражающих «шаги» коллекционера в процессе познания. Подобная коллекция может создаваться сама собой в результате накопления исследуемых объектов, которые в дальнейшем не утилизируются, а сохраняются. Так нередко происходило с исследова-

телями-натуралистами. Такие коллекции могут становиться средством обучения и даже воспроизводиться стандартизовано (стандартные учебные коллекции для школ).

5. Коллекционирование как созерцание красоты. Предметы коллекционируются по определенному принципу, иногда имеют утилитарное применение, артизируя быт (например, трапеза с использованием антикварной посуды). Целью коллекционирования является украшение пространства, создание определенной атмосферы, что создает психоэстетический эффект (ср.: [5, с. 255–272]). Этот тип коллекционирования в некотором роде созвучен философии стиля бидермайер, характерной чертой которого можно назвать своеобразную поэтизацию мира вещей, основная цель существования которого – создание уюта, комфорта и красоты. Примерно в эпоху возникновения данного стиля коллекционирование красивых предметов стало доступно не только самым состоятельным (а в эпоху абсолютизма среди правителей и знати уже прочно укрепилась традиция создавать «кабинеты редких вещей», в которых хранились и выставлялись всевозможные предметы искусства, ювелирные украшения, фарфор, монеты и медали, различные «редкости»), но и простому бюргеру, просто потому, что с развитием новых технологий и методов производства красивые вещи стали доступны широким слоям населения. Развитие и подъём буржуазной культуры, последовавшие после Французской революции 1789–1794 гг., создали предпосылки для формирования нового рынка, новых декоративных форм, новых технологий производства декоративных предметов, в частности, из стекла и фарфора. Кроме того, буквально явленная хрупкость мира, гибель в трудноописуемых масштабах артефактов культуры создавали общую атмосферу, благоприятствовавшую идее и практике сохранения. Сложилось новое направление производства художественных изделий, ориентированных на средний класс, и как раз наиболее выдающиеся становились объектами коллекционирования и часто хранились за стеклом в шкафчиках, украшая интерьеры того времени.

6. Коллекционирование как созидание приватной среды, когда происходит насыщение приватного пространства определенными элементами, собранными и дислоцированными в определенном, порой труднообъяснимом порядке. Особенно характерно для личностей замкнутых, интровертных, испытывающих трудности пребывания в «реальном» (т. е. навязанном и созданном по незнакомым и неприемлемым для такой личности принципам) мире.

7. Профессиональное коллекционирование – связанное с собиранием предметов профессиональной деятельности, часто становящееся одним из аспектов этой деятельности. Не всегда жестко отграничивается от коллекционирования как познания. Например, собирание арифмометров математиком или крестов священником. Собирание книжных коллекций часто бывает связано с профессиональным использованием литературы. Нам приходилось сталкиваться со священнослужителями, коллекционировавшими старые церковные книги и богослужебную атрибутику, причем использование коллекционных предметов осуществлялось при доступности современных эквивалентов. Это, конечно, уже пограничный случай, не объяснимый только влиянием профессиональных занятий. Данный тип может совмещаться с когнитивным коллекционированием.

8. Протестующее коллекционирование – концентрация на ограниченном участке пространства предметов, которые являются «вызовом» реальности, отсутствуют в ней, выступают как семиотическая антитеза. Например, в современной культурной среде обычно кажется странным собрание статуэток «галантного стиля», особенно старых, а не новейших массовых имитаций. Иногда такие предметы могут истребляться в преобладающем пространстве культуры, иногда даже запрещаться. Данный тип может соединяться с созданием приватной среды, но в последнем случае яснее выражена прагматика протеста.

9. Терапевтическое коллекционирование, обязательным целевым компонентом которого является благотворное влияние на психологическое состояние. Не случайно терапевтическое коллекционирование предложено как вид психотерапевтической практики, например, известным психотерапевтом М.Е. Бурно [4].

10. Идентифицирующее коллекционирование – собрание предметов, помогающих осуществлению самоидентификации или закрепляющих ее, обычно через соотнесение с определенной эпохой, стилем, этносом, религией, образом деятельности, повседневным жизненным укладом и т.п. Может совмещаться с терапевтическим коллекционированием, если обретение идентичности оказывается терапевтически значимой целью.

Типология подобного рода может быть дополнена, и, естественно, все эти типы могут смешиваться между собой, наращивая субъективные смыслы, заложенные в каждой конкретной коллекции.

Чем менее устойчивой становится повседневность, тем больше возможностей индивиду дает коллекционирование, создающее иллюзию той или иной степени прочности:

иллюзию стабильности мира;

иллюзию закрепления в окружающем черт, желаний и запросов самого индивида, что противостоит тенденциям полного отчуждения и обезличивания мира с его развитием по собственным паттернам, с индивидом не соотнесенным;

иллюзию собственной значимости через наращивание числа символических двойников – предметов коллекционирования;

иллюзию возможности влияния на культурную среду;

иллюзию обладания, распространения своей власти (в том числе и власти понимать, интерпретировать, наделять ценностью) на наибольшее количество собираемых предметов.

Мы говорим об иллюзиях, поскольку не только в перспективе наступления трансгуманизма и переструктурированного социального пространства, но и в более актуальной для нас ситуации нарастающего разрушения приватности эти модусы отношения к реальности все более становятся ограниченными и условными. Нетрудно заметить, что потребность в такой иллюзии все более растет, по мере того как приватность распадается все более и более стремительно.

В психологическом плане коллекционирование создает психологическую броню, которая способна хотя бы на какое-то время предоставить защиту в условиях мощного социогенного стресса. Если в семиотическом плане коллекция является дополнительно закодированной подсистемой повседневности, то в психоментальном плане она выступает личной реальностью, созданной как

противопоставление общей, усредненной реальности, как бы ее ни понимать, как просто иную часть реальности или же как существующую самостоятельно в приблизительно одинаковом облике для всех индивидов, объединенных ею; коллекция – та реальность, в которой сознание может прятаться (ср.: [13, с. 121]). Не подразумевает ли борьба с коллекционированием (в разных исторических условиях и в очень разных формах, упомянем лишь движение, то усиливавшееся, то спадавшее, против личных библиотек, которые предлагалось заменить публичными, остатки этого тренда можно было наблюдать еще в начале 1980-х гг., а через некоторое время личные книжные коллекции стали исчезать сами собой по иным причинам) стремление лишить сознание коллекционера этой возможности, предельно объективировать условия его бытия, вытащить «на свет коллектива» и той реальности, в которой он живет?

Итеративная по своей структуре деятельность коллекционера является обращенной не только в собственный приватный мир и в прошлое, она становится символической фиксацией настоящего момента. Если понимать это как «невротическую» (в широком понимании) деятельность, то приходится ответить на вопрос, какой сдвиг внешних средовых событий породил необходимость в защите от него, так как невроз, если оставаться хотя бы отчасти в рамках классического его понимания, классического семантического поля, есть именно *реактивная* форма поведения. Неслучайно известные в художественной литературе образы коллекционеров часто бывают погружены в критический социальный контекст, яркий пример этому – Свистонов у К. Вагинова, собирательство которого, направленное на почти бросовый материал, выглядит именно упорным сопротивлением неконтролируемо меняющейся реальности. Впрочем, и сам автор, принадлежавший к группе ОБЭРИУ с ее «терминальным шутовством», это прекрасно сознавал.

Частное коллекционирование становится для нашего современника одной из форм спасительного бегства от реальности, подчас, перефразируя Готфрида Бенна, бегства весьма аристократического (ср.: [16; 17]), но тенденции изменения культурной среды таковы, что сценарий «замирающей реакции», как одного из типичных видов стрессового поведения, становится все более актуальным для человека, пока он, по милости некоторой пробуксовки трансгуманистических проектов, или, если кому-то ближе такая вербализация, замедления окончательного заката логоцентризма, пока еще таковым остается.

Список литературы

1. Барболин М.П., Голядкин Г.Н. Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та МВД России. 2009. № 1(41). С. 135–139.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
4. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Медицина, 1989. 304 с.
5. Выготский Л.С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 573 с.

6. Губман Б.Л. Концепция способности воображения И. Канта в экзистенциально-герменевтической интерпретации М. Хайдеггера и Х. Арендт // Кант между Западом и Востоком: к 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта: труды междунар. семинара и междунар. конф.: в 2 ч. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. Ч. 2. С. 261–269.
7. Каверина Е.А. Создание событий в современном социокультурном пространстве: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. 47с.
8. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса: Психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2009. 943 с.
9. Клейн Л.С. «Человек дождя»: коллекционирование или природа человека // Музей в современной культуре: сб. науч. тр. / СПбГАК. СПб., 1997. С. 10–21.
10. Клюканова Л. Г. Частное коллекционирование как предмет культурологического исследования: сб. науч. тр // Труды Санкт-Петербург. гос. ин-та культуры. СПб, 2015. С. 246–254.
11. Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания (психофизиология библиофильства). М.: Книга, 1980. 119 с.
12. Малинкин А.Н. Коллекционер: опыт исследования по социологии культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2011. 192 с.
13. Пелипенко А.А. Контрэволюция. М.: Знание, 2016. 240 с.
14. Пелипенко А.А. Штрихи к портрету постсовременности // Вопросы социальной теории. 2009. Вып 1 (3), т. III. С. 318–339.
15. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
16. Суворов Н.Н. К вопросу о понятии «порог культуры» // Образ современности: этические и эстетические аспекты: материалы все-рос. конф., 21 окт. 2002 г. СПб., 2002. С. 171–181.
17. Суворов Н.Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма. СПб.: СПбГУКИ, 2004. 371 с.
18. Сухарев А.Н. Коллекционирование как экономическое явление // Финансы и кредит. 2014. № 29 (605). С. 45–51.
19. Старинкова Е.В. Музейный предмет как текст культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2014. 21 с.
20. Шлаева И.В. Частное коллекционирование предметов русской старины как фактор сохранения культурного наследия, конец XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 26 с.
21. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. 388 с.

PRIVATE COLLECTING AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON: TO DISCOURSE CONTOURS

V.Y. Lebedev, E.M. Pereygina

Tver State University, Tver

The article is focused on the concept and significance of private collecting as a sociocultural phenomenon and as an object of a discourse-semiotics research. Methodological approaches to the examination of private collecting as a text of culture are analyzed. The article proposes a collecting typology based on personal and psychological features of collectors correlated to variants of a private collections discourse. The importance of the research of private collecting on the institutional and axiological basis is revealed.

Keywords: *private collecting, culture phenomenon, discourse, cross-disciplinary complex, methodology, meanings, text of culture.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПЕРЕЛЫГИНА Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: pere-lygina.em@tversu.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PERELYGINA Elena Mikhailovna – PhD (Philological Sciences), Associate Professor of the Department of Foreign Languages for humanitarian faculties, Tver State University, Tver. E-mail: perelygina.em@tversu.ru